

Тун Цинхэ шумно возился, открыл кобуру, благоговейно и влюбленно глядя на пистолет, который был с Цзян Шаочжи много лет.

— Дядя, он выглядит таким внушительным, — говоря это, Тун Цинхэ смотрел с огоньком. — Прямо как ты.

Тун Цинхэ редко выпадал шанс подержать настоящее оружие. Он сам умел стрелять, но не проявлял особого интереса, обычно это происходило, когда Цзян Шаочжи сам брался за его обучение. Сначала он немного противился, боялся повредить такое мощное оружие, но при этом не мог сдержать своего влечения, ведь этот пистолет был уникален для Цзян Шаочжи.

Он медленно поглаживал внушительный ствол. Цзян Шаочжи внимательно наблюдал. Его невозмутимое выражение лица слегка изменилось. Он взял руку Тун Цинхэ, накрыл ее своей и прижал к дулу.

Тун Цинхэ резко поднял глаза и пристально посмотрел на него. Его уголки глаз были влажными и красными от волнения.

Цзян Шаочжи, казалось, был немного бессилён:

— Он был со мной много лет. Я не стреляю без нужды, но в решающий момент он ни разу не подвел. Каждый раз — точное попадание, — он сделал паузу. — Ты лучше всех знаешь, что это оружие опасно. Если оно используется, легко доходит до «самопроизвольного выстрела».

Но Тун Цинхэ именно сейчас хотел использовать это оружие. Видя его упрямство, Цзян Шаочжи осторожно приподнял его большой беременный живот, позволяя ему действовать.

Навыки стрельбы Тун Цинхэ за эти годы стали более умелыми и точными, и все благодаря хорошему обучению Цзян Шаочжи, который был его лучшим учителем в этом деле.

Сменив место "выстрела", Тун Цинхэ почувствовал учащенное сердцебиение, он возбужденно смотрел на Цзян Шаочжи, даже слегка вспотел. Маленькие капельки пота скатились к кончику носа, и Цзян Шаочжи аккуратно их вытер.

Тун Цинхэ, использовав «оружие» Цзян Шаочжи, все еще не мог насытиться. Беременным людям противопоказаны сильные эмоциональные всплески, и они не должны уставать. Цзян Шаочжи взял его за руку, убрал пистолет обратно в кобуру:

— Не переутомляйся.

Тун Цинхэ тяжело дышал. Когда дыхание выровнялось, он покачал головой и сказал, что все в порядке. Его глаза не отрываясь смотрели на Цзян Шаочжи. Он протянул руку, чтобы вытереть пот со лба Цзян Шаочжи.

На шее тоже был пот, вены вздулись. Было видно, как он изо всех сил сдерживается.

Цзян Шаочжи зафиксировал его руки, хотел унести его отдыхать, но Тун Цинхэ явно не наигрался.

— Тун-Тун, будь умницей, пора отдыхать.

Тун Цинхэ огляделся по сторонам. Ребенок в животе внезапно зашевелился. Ему оставалось лишь послушно прижаться к животу Цзян Шаочжи. Он действительно почувствовал дискомфорт в животе и прижал ладонь Цзян Шаочжи к своему животу:

— Заставь его успокоиться на время.

Цзян Шаочжи погладил ладонью, и ребенок в животе Тун Цинхэ, конечно, успокоился. Через живот он, очевидно, боялся воспитания другого папы.

Тун Цинхэ сказал: — Он меня не боится.

Цзян Шаочжи ответил: — Я буду его воспитывать потом.

Занимаясь этим до самого позднего вечера, Тун Цинхэ, завернувшись в чистое белье, наконец, лег обратно в постель. Цзян Шаочжи посидел у кровати, некоторое время глядя на него, а затем снова отправился в ванную. Его сменная одежда была наполовину влажной. После беременности в запахе Тун Цинхэ, помимо феромонов, появился легкий аромат, похожий на запах детского молока. Смесь запахов прилипла к его сменной одежде. Цзян Шаочжи поднес одежду к носу, понюхал, на его лице мелькнуло кратковременное бессилие, и он пошел стирать одежду.

Вторая половина ночи должна была быть спокойной, но ее нарушили тихие всхлипы.

Тун Цинхэ проснулся в темноте, провел рукой по глазам, и его пальцы намочили от слез. Он удивленно посмотрел, почувствовал остаточное тепло рядом с собой и подсознательно сдержал всхлипы, проглотив их. Необъяснимые эмоции внезапно нахлынули посреди ночи: ему было и обидно, и горько. Он не знал, почему стал таким. Цзян Шаочжи был рядом, достаточно просто повернуться, чтобы он взял его в объятия. Тун Цинхэ лежал неподвижно, из его глаз молча текли слезы.

Хлоп.

Свет внезапно загорелся, и тьма полностью окутала Тун Цинхэ. Цзян Шаочжи полностью обхватил ладонью лицо Тун Цинхэ, быстро нахмурившись. Он осторожно обнял его, собрав одну слезинку на кончике своего пальца.

Тун Цинхэ стер ее с пальца Цзян Шаочжи, немного смущенный:

— Я не плакал, Дядя, не хмурься.

Цзян Шаочжи прижал его лицо: — Что это?

Целуя влагу в уголках глаз, Тун Цинхэ медленно моргнул:

— Они сами текут. Мне на самом деле не очень грустно, просто... просто... — увидев, как Цзян Шаочжи нахмурился, он широко открыл рот и поспешно сказал: — Просто это дородовая тревожность!

Тун Цинхэ утвердительно кивнул, взял большой палец Цзян Шаочжи и приложил к своей щеке:

— С беременными такое случается. Как только малыш родится, все само собой пройдет.

Тун Цинхэ говорил совершенно уверенно, он верил в себя. Он видел, как Юй Сяокэ после родов страдал послеродовой депрессией. Его Альфа любил и баловал его, но даже это не смогло предотвратить его депрессию на некоторое время. Тун Цинхэ представил ситуацию после родов, еще крепче обнял Цзян Шаочжи за шею, прижался щекой к его ключице:

— Не волнуйся.

Цзян Шаочжи прямо сейчас решил, что больше не позволит Тун Цинхэ беременеть. Один ребенок принес ему почти год мучений. Ему было жаль те страдания, которые Тун Цинхэ перенес за эти месяцы.

Он вытер все слезы с уголков глаз Тун Цинхэ. Цзян Шаочжи больше не спал, он держал Тун Цинхэ в объятиях, прижимал к себе и тихо с ним разговаривал, не заставляя его немедленно продолжать спать.

Утром Цзян Шаочжи снова уезжал по делам. Тун Цинхэ, пребывая в полусне, встал вместе с ним. Цзян Шаочжи помог ему надеть пальто и поправил брюки:

— Тун-Тун сегодня поедет со мной.

Глаза Тун Цинхэ расширились:

— Можно?

Ему было неудобно выходить с большим животом. Чтобы не доставлять Цзян Шаочжи лишних

хлопот, он редко просил его взять его с собой.

Цзян Шаочжи взял его за руку, а другую руку положил на его поясницу, чтобы облегчить давление, вызванное большим животом.

— Сегодня у меня два совещания. Ты поспишь в моей комнате отдыха.

Тетюшка приготовила питательный обед и положила в машину. Тун Цинхэ по дороге был довольно бодр. Когда они прибыли в конференц-зал, Цзян Шаочжи сказал несколько слов кому-то и сначала отнес его в комнату.

Уходя, Тун Цинхэ было неловко поднять голову с плеча Цзян Шаочжи. Все остальные на совещании были в строгой одежде, с серьезными лицами, а он был единственный беременный омега с большим животом.

Он шмыгнул носом, его голос был смущен:

— Дядя, я в следующий раз не поеду. Лучше посплю дома.

Цзян Шаочжи наклонился, поцеловал его и тихо сказал:

— Спи.

Взгляд Тун Цинхэ был очень искренним. Он сказал:

— Никто не берет на совещание беременного партнера.

Цзян Шаочжи посмотрел на него: — Я беру.

Тун Цинхэ не хотел, чтобы из-за его присутствия о Цзян Шаочжи сплетничали. Позже, после совещания в тот день, все подчиненные узнали, что Цзян Шаочжи чрезвычайно балует своего супруга и не может расстаться с ним, даже когда идет на совещание.